

ОБРАЗ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА В ДИАЛОГЕ «СВЯЩЕНСТВА» И «ЦАРСТВА» В ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Скрипкина Е.В.

Филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» в г. Омске, Россия (644010, Омск, ул. Пушкина, 63), e-mail: evs705@rambler.ru

Одной из наиболее значимых личностей в русской церковной истории является святитель митрополит Филипп (Колычев), ставший неким сакральным символом в вопросе взаимоотношений государства и Церкви. В XVII в. культ митрополита Филиппа был чрезвычайно популярен. Культ Филиппа закономерно занял большое место в Соловецком монастыре. В 1652 г. состоялось торжественное перенесение мощей св. Филиппа из Соловецкой обители в Москву. Это событие трактуется как публичное покаяние царской власти в своих грехах. Развивался культ святителя, в том числе и в придворном кружке «ревнителей древнего благочестия», из которого вышли будущие идеологические противники – патриарх Никон и протопоп Аввакум. Патриарх Никон стремился к утверждению приоритета власти духовной. Представители демократической оппозиции, к коим принадлежал Аввакум, видели в митрополите Филиппе бесстрашного защитника «мирской правды». Приняв мученическую смерть от светской власти, святитель задал определенную парадигму поведения «священства» с «царством» и во многом определил парадигму русской святости: образец русского святого – обличителя несправедливости, история жизни которого проецировалась и Никоном, и его оппонентами непосредственно на их собственную судьбу.

Ключевые слова: митрополит Филипп, царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, протопоп Аввакум.

METROPOLITAN PHILIP IMAGE IN THE DIALOGUE OF "PRIESTHOOD" AND "KINGDOM" DURING THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH

Skripkina E.V.

Omsk Branch of HPE "Moscow K.G. Razumovsky State University of Technology and Management", Russia (644010, Omsk, Pushkin, 63), e-mail: evs705@rambler.ru

One of the most important personalities in the history of the Russian church is St Metropolitan Philip (Kolychev), who became a kind of sacred symbol in the question of relations between Church and state. In the XVII century cult of Metropolitan Philip was extremely popular. Cult of Philip naturally played a greater role in the Solovetsky Monastery. In 1652, the solemn transfer of the relics of St. Philip from Solovetsky monastery to Moscow took place. This event is interpreted as a recantation of royal power in their sins. The cult of the saint was developing, including the court circle of 'devotees of ancient piety', from which the future ideological opponents, Patriarch Nikon and priest Habakkum, emerged. Patriarch Nikon sought to assert the priority of spiritual power. Representatives of the democratic opposition, to which Habakkum belonged, saw in Metropolitan Philip a fearless defender of "mundane truth." Martyred by the secular authorities, the saint set a certain paradigm of behavior of "priesthood" with "kingdom" and largely determined the paradigm of Russian sanctity: the sample Russian saint - accuser of injustice, whose life story was projected both by Nikon and his opponents directly to their own life.

Keywords: Metropolitan Philip, tsar Aleksey Mikhailovich, Patriarch Nikon, priest Habakkum.

Одной из наиболее значимых личностей в русской церковной истории является святитель митрополит Филипп (Колычев), ставший неким сакральным символом в вопросе взаимоотношений государства и Церкви. Приняв мученическую смерть от светской власти, святитель задал определенную парадигму поведения «священства» с «царством». В.С. Соловьев в своей статье «О духовной власти в России» писал: «Святитель исполнил свой долг как представитель нравственного принципа, обличая царя, изменившего этому принципу, и, как носитель духовной силы, не побоялся физического насилия и смерти. Беззаконие царя было торжеством святителя» [17, с. 47].

Хорошо известно, что в XVII в. культ митрополита Филиппа был чрезвычайно популярен. Его почитали в народной среде, и в народном представлении св. Филипп выступал как выразитель правды простых людей перед царем [9, с. 211]. Святитель «оправдал веру народную, не посрамил христианского знамени» [17, с. 47]. Культ Филиппа закономерно занял большое место в Соловецком монастыре, поскольку святитель был Соловецким постриженником и игуменом, много сделавшим для обогащения и процветания обители. В 1590 г. мощи Филиппа были перенесены из тверского Отроча монастыря, места убийства, на Соловки. 30 мая 1646 г. они были помещены в созданном самим Филиппом Спасо-Преображенском соборе. Соловецким иноком Герасимом Фирсовым была составлена «Служба на перенесение мощей Филиппа» [22, с. 32-33; 2, с. 193-196]. В «Службе» Г. Фирсов охарактеризовал выступление святителя против опричнины следующим образом: «божественною ревностию распляем, разорил... тму нечестия, мудростию словес... царя мужески обличил, православных единение утвердил, пресвятаго Духа обогатися сиянием, уяснил всем божественное веление» [9, с. 211]. В 1651 г. на Соловках было создано еще одно произведение о митрополите – новая, сильно измененная и расширенная редакция Жития, автором которой был Сергей Шелонин [22, с. 32-33]. В 1652 г. состоялось торжественное перенесение мощей св. Филиппа из Соловецкой обители в Москву. Это событие исследователями трактуется как публичное покаяние царской власти в своих грехах [6, с. 186]. После этого знаменательного события Герасим Фирсов написал «Похвальное слово на перенесение мощей св. Филиппа, митрополита Московского и всея Руси».

Развивался культ святителя, в том числе и в придворном кружке «ревнителей древнего благочестия», из которого вышли будущие идеологические противники – патриарх Никон и протопоп Аввакум. Как отмечает О.В. Чумичева, и для Никона, и для Аввакума характерна общая, но по-разному понимаемая идея превосходства духовной власти над светской. Патриарх Никон стремился к утверждению приоритета власти духовной. Представители демократической оппозиции, к коим принадлежал Аввакум, видели в митрополите Филиппе бесстрашного защитника «мирской правды» [22, с. 32-33]. В данной статье предполагается рассмотреть влияние культа митрополита Филиппа в спорах о соотношении священства и царства, имевшим место в России в царствование второго Романова.

Как отмечает исследовательница творчества патриарха Никона С.К. Севостьянова, мученическая смерть митрополита Филиппа от светской власти сделала его святым после кончины и в XVII в., примирила церковную и светскую власти. Преемственность патриаршей власти, «единомыслие» церковной и светской властей – идеи, декларируемые и Никоном, и Алексеем Михайловичем во время торжественного перенесения мощей

митрополита Филиппа, впоследствии составили основу проводимой Никоном в начале его патриаршества политики симфонии властей [16, с. 148].

Лично для Никона культ святителя Филиппа имел огромное значение. По мнению исследователей, знаменательную роль в жизни патриарха играли те даты церковной истории, которые были связаны с памятью Филиппа. Никон, по словам Д.Ф. Полознева, выбрав образ митрополита Филиппа как героя церковной истории, словно «срежиссировал» свою судьбу. Через отождествление с Филиппом Никон и себя как бы ставил в ряд небожителей. Образ Филиппа служил ему для обоснования своего личного и патриаршеского авторитета [12, с. 283-292]. Так, например, поставление Никона на патриарший престол (25 июля 1652 г.) состоялось в тот же день, когда на митрополию (в 1567 г.) был поставлен Филипп. По признанию самого Никона, 3 июля 1653 г. «на память пренесения мощей иже во святых отца нашего священномученика и исповедника Филиппа митрополита», на всенощной службе в Успенском соборе, он принял окончательное решение о строительстве монастыря на Валдае. В 1681 г., возвращаясь из ссылки из Ферапонтова монастыря, Никон велел везти себя вниз по Волге, повторив, таким образом, путь, которым сам некогда вез мощи митрополита Филиппа, придав символическое значение своему возвращению [16, с. 143].

По предположению С.К. Севостьяновой, после первых столкновений патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем по вопросам церковной обрядности, Никон осознанно обратился к образу митрополита Филиппа, пострадавшему от светской власти, и спроецировал судьбу Филиппа на свою жизнь, проведя мученическую параллель между мученической кончиной московского святителя и своей собственной судьбой. Глубокое почитание Никоном митрополита Филиппа, которые Никон прославлял годами и которым старался подражать, подвиг мученичества, принятый от светской власти, теперь стал для патриарха Никона самым важным [16, с. 146].

Никон, по мнению С.К. Севостьяновой, сформулировал византийский образец пастырского служения: первосвятитель есть образ справедливого судии – Христа, его жизнь состоит в подражании подвигу и страданиям Спасителя, и он самоотверженно исполняет свой первейший долг – «пасет стадо Христово», радеет о «словесных Его овцах». Представления Никона о качествах пастыря были неразрывно связаны с осмыслением образа митрополита Филиппа и его эпохи [16, с. 145].

В первой половине 1650-х гг. в Москве по инициативе патриарха Никона создаются архитектурные памятники, посвященные Филиппу. Церковь во имя Трех святителей на Патриаршем дворе к престолам московских святых Петра, Алексея и Ионы получает четвертый – во имя митрополита Филиппа. В личных покоях патриарха Никона на Патриаршем дворе устроена тепловая церковь во имя апостола Филиппа. В личных покоях

патриарха Никона на Патриаршем дворе устроена теплая домовая церковь во имя апостола Филиппа, святого небесного заступника митрополита Филиппа [16, с. 143].

По мнению исследователей, северные монастыри, основанные патриархом Никоном, были обетными и напрямую связаны с церемонией перенесения в 1652 г. мощей митрополита Филиппа. Будучи еще новгородским митрополитом, во время долгого пути на Соловки Никон, пораженный красотой Валдайского озера и окрестностей, решил основать здесь новую обитель и «имел однажды на море... сонное явление: ему явился митрополит Филипп и укрепил его на то «благое дело». По возвращении с Соловков с мощами святителя, Никон с процессией оказался застигнут бурей на Кий-острове. Никон в благодарность за свое спасение дал обет возвести здесь Крестный монастырь. Вернувшись в Москву, Никон рассказал о своих планах Алексею Михайловичу, получил от него разрешительные грамоты. В благодарность на небесное заступничество митрополита Филиппа Никон устроил в Иверском и Крестном монастырях церкви в честь московского первосвятителя [4, с. 434; 20, с. 111].

Для патриарха Никона мученическая смерть митрополита Филиппа за «овец Христовых», т.е. за свою паству, впоследствии получила своеобразное осмысление. Вероятно, около 1656 г., когда случились первые столкновения патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем во вопросам церковной обрядности, Никон осознанно обратился к образу митрополита Филиппа, пострадавшему от светской власти, и спроецировал судьбу Филиппа на свою жизнь, проведя параллель между мученической кончиной московского святителя и своей собственной судьбой. Глубокое почитание Никоном митрополита Филиппа породило чувство духовного родства с ним; из всех достоинств святителя Филиппа, которые Никон прославлял годами и которым старался подражать, подвиг мученичества, принятый от светской власти, теперь стал для патриарха Никона самым важным [16, с. 146]. Осознание духовного родства с митрополитом Филиппом и готовность повторить мученический подвиг московского святителя привели к тому, что патриарх Никон после оставления патриаршей кафедры в разговорах с современниками и в посланиях царю Алексею Михайловичу и сочувствовавшим судьбе Никона людям часто стал упоминать о своей скорой смерти [16, с. 146].

В 50-е гг. XVII в., в период активного утверждения и прославления культа митрополита Филиппа, патриархом Никоном была создана икона «Спас на престоле с припадающими митрополитом Филиппом и патриархом Никоном». Однако не только этим, думается, обусловлено изображение митрополита Филиппа на рассматриваемой иконе. ... Придворная «распря», внутрицерковная смута, принявшие особенно острый характер в 1656–1657 гг., создали очень сложную обстановку для патриарха. Как и во времена

митрополита Филиппа, деятельность духовного владыки была подвергнута осуждению. В таких условиях обращение к личности митрополита Филиппа, овеянной борьбой и страданиями «за церковь и веру Христову», было вполне естественным: ведь митрополит Филипп символически воспринимался патриархом Никоном «как заступник в благополучном патриаршестве» [15, с. 233, 238]. В общей сложности, по заказу патриарха Никона в 1653–1654 гг. было написано как минимум 10 икон митрополита Филиппа [16, с. 143].

К середине XVII в. относится создание повести была «Запрещение о тафьях Филиппа, митрополита всеа Руси московского чудотворца, царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси». Центральное место занимает рассказ о столкновении между Филиппом и Иваном Грозным [3, с. 397-398].

С другой стороны, основным убеждением боголюбцев, как писал В.К. Лурье, состояло в том, что обычаи русского общества имеют смешанную природу, в которой всё дурное и скверное следует определять как «новое», а всё хорошее и доброе – как «старое», то есть традиционное [10, с. 235-236]. Для ревнителей благочестия традиционное «священство» как раз олицетворялось св. Филиппом.

Митрополит Филипп для старообрядцев был, безусловно, «православия наставник и истине соглагольник, благочестию учитель, столп и поборник вере» [18, с. 336].

Рассуждая о «правильном» двуперстном крестном знамении, Аввакум среди прочих ставит св. Филиппа в пример: «Сице повелеша персты гласити пастыри и учителя и вси наследницы апостольстии: Афанасий Великий, Кирилл Иеросалимский, Иоанн Златоуст, Мелетий Антиохийский, Петр Дамаскин, Феодорит Блаженный, Максим. К сим же митрополиты московскии: Макарий, Филипп, и архиепископы: Гурий, и Варсонофий Казанский чудотворец...» [18, с. 314].

Аввакум, находясь в Пустозерской ссылке и размышляя о своих страданиях и мучениях, сравнивал свою судьбу с судьбой митрополита Филиппа: «...Златоуст Иван и лутче нас был, а как время пришло, так спрятали так же, как и нас. И Филипп митрополит на Москве. Да много того есть. Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришину Филипп. Кольми же за церковный изврат, всяк правоверный много не рассуждай, поиди в огонь...» [8, с. 234].

Дьякон Федор: «На Москве у нас при царе Иоанне осудиша златоустаго ревнителя, святого отца нашего Филиппа митрополита, и извергоша его, и в ссылку сослаша, и удавиша его тамо, раба Божия, царев угодник Малютка Скуратов, якоже Артемон, льстец нынешнего

царя Алексея, душегубной потаковщик и всем верным наветник лютый. Филипп же, святой чудотворец, и ныне по-старому Филипп, митрополит и исповедник новый, слово, а человекоугодных властей всех память погибе вечно, кои Филиппа обругали, угрожая царю земному...» [13, с. 201].

Дьякон Федор проецирует судьбу митрополита Филиппа на свою собственную и своих сподвижников: ссылка святителя – ссылка пустозерских узников: Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания, используя данный эпизод как аргумент в полемике: все страдальцы за правое обличение [19, с. 76-77].

Кроме того, в XVII в. отнюдь не было забыто древнерусское право «печалования». Митрополит Филипп за «печалование» перед светской властью был не только лишен кафедры, но и самой жизни [7, с. 54]. Такое право использовали патриарх Никон и «ревнители благочестия» использовали в своих обращениях к Алексею Михайловичу. Так, Никон, ссылаясь на апостольское правило, говорил о праве патриарха обличать царя: «поносить Царя запрещено вовсе, но епископу в нужных случаях обличать Царя не запрещено, хотя бы обличение, если оно очень резко, могло бы быть принято обличаемым как обида. Обличать без справедливости не позволено каноном, как видно, без всякого различия дел, но кто по справедливости обличает Царя, не заслуживает наказания» [11, с. 89].

Митрополит Филипп привлекал Никона тем, что тот не побоялся воспротивиться царю, который считал себя исполнителем божественной воли. Никон готов был идти дальше: Филипп напомнил о праве церкви оценивать и выносить приговор светским правителям в условиях чрезвычайных, опричных – он же собирался делать это повседневно.

Никон приложил немало усилий, чтобы придать культу Филиппа общерусское звучание и поставить его в ряд особо чтимых святых владык – митрополитов Петра, Алексея и Ионы. Никон брал за образец земной путь московского митрополита и в дальнейшем все перипетии собственной жизни соизмерял с его судьбой [1, с. 180-181].

Церковная реформа, проводимая патриархом Никоном, воспринималась старообрядцами как отступление от «истинной веры», как ересь. И использование права «печалования» выступало своего рода самооправданием ревнителей благочестия в обличениях Алексея Михайловича.

Как отмечал П.В. Лукин, в русской средневековой письменной традиции существовали своеобразные готовые модели «неправильного» поведения царя и возможные реакции на него. И старообрядцы использовали одну из них, основные моменты которой отразились в еще «дореформенных» сочинениях Герасима Фирсова о конфликте Ивана Грозного и митрополита Филиппа [9, с. 180-181].

Старообрядцы до самой смерти Алексея Михайловича верили в возможность вернуть государя на «истинный» путь и искоренить «никонианскую ересь». Согласно святоотеческой традиции государь играл важную роль духовного пастыря, в обязанность которого входили «прилежное попечение о Церкви», защита православия от различных отступлений. Обращаясь к Алексею Михайловичу, расколоучители пытаются объяснить государю, вставшему на путь церковных преобразований, его «заблуждение». Так, поп Лазарь в своей челобитной напоминает царю: «Царю благородный!... Како книги, и все предание святых отец и благолепту святых церкви изменить попустил... Мы не судим тебе, царю, но словеса Божия и святых его пишем к тебе. Тии имут судится с тобою в день страшного суда, егда придет Сын Божий... Аз же грешный, закона ради отец твоих ивашего ради благородия, аще Бог изволит, готов есмь нетокмо темничное озлобление терпети, но и душу свою за вы положить, яко да пребудет вашего благородия божественная царская власть во веки неизвратна и непоколебима, и да управится вами закон отец ваших да умирится святая церковь во единство» [21, с. 212-213].

Более пронзительно обращается к государю Аввакум: «Царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! Мнагажды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися Богу и умилишися в разделении твоём от церковнаго тела. ...Помилуй единародную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освещен еси... » [14, с. 93].

Несмотря на старания Никона и старообрядцев «печалование» Алексея Михайловича не принесло желаемых результатов. Так, бывший Соловецкий инок Епифаний, находясь в пустозерском остроге, сокрушался в своем «Житии» о тщетной попытке переубедить государя: «...аз книги писал ко спасению цареву и всего мира. И снес их к царю. А ныне мя царь утомил и умучил зело, и язвы положил горкия, и кровию мя обогрил, и в темницу повеле мя ринуть немилостиво» [5, с. 123-124]. Однако через данное право «священство» показывало, что не поддерживает «царство» в тех решениях и поступках, которые, как им казалось, противоречат поступкам православного государя. При этом, безусловно, «прегрешения» государя обеими сторонами понимались определенным образом. Для Никона святитель Филипп, прежде всего, – образец стояния за правду «священства» перед лицом «царства», для Аввакума и его единомышленников – образец «истинного» пастыря.

Таким образом, митрополит Филипп во многом определил парадигму русской святости: образец русского святого – обличителя несправедливости, история жизни которого проецировалась и Никоном, и его оппонентами непосредственно на их собственную судьбу.

Список литературы

1. Андреев И.Л. Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 637, [1] с.
2. Бубнов Н.Ю. Герасим Фирсов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 3: XVII в., ч. 1. – СПб.: ИРЛИ, 1992. – 410 с.
3. Дмитриева Р.П. Запрещение о тафьях // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 3: XVII в., ч. 1. – СПб.: ИРЛИ, 1992. – 410 с.
4. Дорошенко С.М. Летопись жизни и деятельности Патриарха Никона на фоне событий церковной и гражданской истории и в окружении разного рода лиц, к нему касательных // Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси – созидание государства российского. – В 3 ч. Ч. I. – М.: РАГС, 2009. – 1198, [1] с.
5. Житие Епифания // Пустозерский сборник: автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л.: Наука, 1975. – XIV, 263 с.
6. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество / С. Зеньковский. – Минск: Белорусский Экзархат, 2007. – 543 с.
7. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: [В 2 т.]. – [Репр. изд.]. – Т. 2. – М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. ставропигиал. монастыря, 1996. – 547, [18] с.
8. Книга Бесед // Житие Аввакума, им написанное, и другие его сочинения. – М.: Сов. Россия, 1991. – 368 с.
9. Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII в. / П. В. Лукин; Рос. акад. наук. Ин-т Рос. истории. – М.: Наука, 2000. – 292, [2] с.
10. Лурье В.М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками / В. М. Лурье. – М.: Три квадрата: Издатель: С.В. Митурич, 2009. – 294, [1] с.
11. Мысли Русских Патриархов от начала до наших дней. – М.: Сретен. монастырь и др., 1999. – 559 с.
12. Полознев Д.Ф. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М.: Наука, 1990. – 351, [1] с.
13. Послание дьякона Федора сыну Максиму [Текст] // Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический трактат раннего старообрядчества / Л.В. Титова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 309, [1] с.
14. «Пятая» челобитная // Житие Аввакума, им написанное, и другие его сочинения. – М.: Сов. Россия, 1991. – 368 с.

15. Савина Л.Н. Икона «Спас на престоле с припадающими митрополитом Филиппом и патриархом Никоном» из собрания московского областного краеведческого музея // Памятники культуры. Новые открытия. 1988: Ежегодник. – М.: Наука, 1989 – 574 с.
16. Севостьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / С. К. Севостьянова. – М.: Индрик, 2007. – 776 с.
17. Соловьев В.С. О духовной власти в России // Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев. – Т. I. Философская публицистика. – М.: Правда, 1989. – 687 с.
18. Список 1 с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума // Памятники старообрядческой письменности: [Сб.] – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 383 с.
19. Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический трактат раннего старообрядчества / Л.В. Титова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 309, [1] с.
20. Цицинова О.А., Качалова И.Я., Гусева А.А., Мартынова М.В. Тема греческого наследия в церковной и государственной идеологии XVII в. // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица» – М.: Художник и книга, 2005. – 199 с.
21. Челобитная Лазаря царю Алексею Михайловичу // Пустозерская проза: [Сборник]. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 363, [2] с.
22. Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов / О.В. Чумичева. – М.: ОГИ, 2009. – 352 с.

Рецензенты:

Толочко А.П., д.и.н., профессор, зав.кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Министерство образования и науки РФ), г. Омск.

Сорокин Ю.А., д.и.н., профессор, кафедра дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Министерство образования и науки РФ), г. Омск.